

Яна СОЛОВЬЕВА

НАБЕЛО

Р а с с к а з

Грузная дама в пуховике в обтяжку протопала вниз по лестнице и с опаской приоткрыла помятую железную дверь, всю в клочках оборванных старых объявлений. Найти ту дверь было непросто: следовало свернуть в переулок, не обращая внимания на закрытый шлагбаум, обогнуть по дуге охрану у вертушки сияющего входа в офисы и по крутым ступенькам под жестяным козырьком спуститься в подвал. Однако те, кому пришлось особый сон, знали дорогу.

По ту сторону двери было темно, но из дальнего конца подвала шел свет. Дама бочком протиснулась между вешалок с белой одеждой, нырнула в извилистый проход, сдавленный стеллажами. Стеллажи были забиты вещами. Тоже белыми.

— Сюда! — крикнул молодой голос.

Дама, прижимая к груди целлофановый пакет с аляповатым новогодним рисунком, наконец достигла источника света. Пламя единственной свечи — в подсвечнике в виде белого фарфорового слоника — отражалось в бесчисленных висевших на стенах зеркалах. Под ними, положив на стол босые ноги, раскачивалась на стуле девушка. Прямые черные волосы спускались по обе стороны бледного лица, открывая высокий лоб. На пальцы она задумчиво наматывала белую нить, тянущуюся от упавшей на пол катушки.

— Белое? — спросила она, подняла на даму бархатные южные глаза с пушистыми ресницами и встала, стряхнув нитки с рук.

— Да, — ответила дама, глядя в зеркала за спиной девушки — ни в одном из них та не отражалась.

Взгляд дамы, в смятении порывав, упокоился на собственном отражении, и она машинально поправила прическу. Потом вывернула пакет, расправила его содержимое и приложила к груди. Платье. Белое, в рюшах и кружевах. Теперь оно налезло бы только на полдамы, если не на треть.

— Немного пожелтел корсаж, — смущенно сказала она. — Двадцать два года лежало как-никак.

Девушка выдвинула ящик стола и достала овальное зеркальце с ручкой и бумажный пакетик.

— Какое белое, такова и моя плата, — сказала она и разорвала упаковку.

Там оказался ланцет, каким берут кровь из пальца. Дама отшатнулась.

— Но сперва нам надо познакомиться. — Девушка исчезла и в тот же миг с ланцетом и зеркалом в руках появилась перед дамой. Взяв за ладонь, отогнула безымянный палец, уколола.

«Медсестра?» — подумала дама, рассматривая короткие белые штаны и стянутую поясом рубашку девушки. На стекло упала капля крови. Через неуловимое для глаз мгновение девушка уже опять сидела за столом. Поднесла зеркальце к лицу — и неожиданно слизнула кровь длинным узким языком.

— Ум-м, Зинаида Ивановна, отдел камеральных проверок. — Девушка прикрыла глаза. — Будем знакомы. Мариам.

«Тьфу-тьфу-тьфу, нежить!» Рот Зинаиды Ивановны стянулся влево, губы слегка зашевелились, и она вновь бросила взгляд на стенные зеркала.

— Чего вы хотите за это белое? — спросила Мариам, которая беззастенчиво глазела на нее с видом нагловатого подростка.

— Любви хочется, — сконфузившись окончательно, сказала Зинаида Ивановна.

— Посмотрим, подойдет ли белое под желание. Что тут у нас? — Мариам взгляделась в ручное зеркальце, наклоняя его туда и сюда. — Ну конечно, время!

Она сунула руку в ящик стола.

— Принято. Вот залоговый билет.

В ее руке появился клочок бумаги, и, с явным удовольствием, она вывела ручкой с обглоданным колпачком каллиграфические буквы с рощерками и завитушками. «Кафе “Встреча”, сегодня в 19:00, столик у окна», — прочитала Зинаида Ивановна.

Боком, не поворачиваясь к девушке спиной, Зинаида Ивановна попыталась к выходу. За стеллажами обернулась на голос и подсмотрела в зазор между полок с белыми носками и перчатками.

— Не-жить, не-жить, — будто перекатывая на языке слоги, нараспев в задумчивости повторяла Мариам, качаясь на стуле и разглядывая потолок. — Не-жить.

Зинаида Ивановна поспешно перекрестилась и вырвалась на волю.

В девятнадцать ноль-ноль она вошла в кафе. У окна сидел Петр Олегович — тот самый, которому она насчитала миллионные пени.

— Какая встреча! — воскликнул он и криво усмехнулся. — А я вот ходил апелляцию подавать. Зашел согреться и ждал не пойми чего. Уж не думал, что вас.

Зинаида Ивановна нерешительно присела за столик и поняла, что ждала, ждала тоже.

***

— Только по названию белое, по цвету не совсем, — сказала Мариам, вертя в пальцах два обручальных кольца белого золота.

— Но нам очень нужно! — воскликнула девушка.

Ее спутник кивнул. Они уже познакомились с Мариам: девушку звали Алена, мужа — Алекс. Супруги хотели забыть друг друга.

— Почему только белое подходит? — с напором спросила Алена. — Нам же приснился сон, значит, мы можем...

— В белом скрыты все краски. Разноцветные истории. Я рассматриваю белое и проживаю жизнь в зеркалах, — перебила, вглядываясь в ручное зеркальце, Мариам и, помолчав, добавила: — Но даже в них никогда нет меня.

— Не проще ли выйти на улицу и проживать там? — саркастично заметил Алекс.

— Алеша, перестань...

— Я не просила советов! Посоветуй лучше змее летать, а безногому — ходить! — воскликнула Мариам. — Не каждый способен выйти за дверь.

В глубине зеркала двигались тени.

— Вы принесли любовь, — в конце концов сказала она, отодвинула на край стола кольца и откинулась на стуле. — Но любовь не может исчезнуть, даже если ее продать, не говоря уже о том, чтобы заложить.

— Она давно исчезла, — сказала Алена. — Иначе мы бы и не пришли.

— Исчезла, — кивнул Алекс.

— Вы не понимаете! — Мариам прикрыла глаза и задумалась. — Впрочем, беру.

Она подписала залоговый билет.

— Ступайте. Жить жизнь...

Пара вышла на улицу. Алекс закурил. По переулку быстрыми шагами удалялась стройная девушка, и он отшвырнул сигарету.

— Пойдите!

Она обернулась.

— Не знаю, что со мной, но это дело жизни и смерти, — пробормотал он. — Я — Алекс. Можно с вами познакомиться?

Она улыбнулась:

— А я — Алена.

***

Мариам еще раз нажала под подушечкой иссушенного пальца. Наконец на зеркальное стекло упала скупая капля.

— Даже крови не осталось, — слабо улыбнулась худенькая пожилая женщина. — Ничего не осталось.

На ней было коричневое пальто из крепа, как носили лет сорок назад, с поеденным временем, но аккуратно расчесанным норковым воротником в форме рогалика. На груди под выгачками пальто проваливалось, будто плоти в старушке не осталось тоже.

— Александра Константиновна, — произнесла Мариам, распробовав кровь. — Сокращена по возрасту, педиатр... Вы не поставили молоко в холодильник.

Александра Константиновна вяло махнула узловой ладонью и клацнула замком сумочки. Оттуда она извлекла коробку конфет с помятыми уголками. Придвинула к Мариам.

— Возьми, деточка.

Мариам встряхнула коробку, и та зазвучала, словно внутри были камешки.

— Шоколад уже побелел от старости, хорошо, — сказала она, прислушиваясь.

— Да? Я не знала. — На блеклых щеках Александры Константиновны выступил розоватый румянец. — Мне хотелось сделать подарок.

— Вот как? — Мариам удивленно приподняла бровь.

— Белое — вот.

Взяв из протянутой руки ожерелье из мелкого жемчуга, Мариам пробежалась по нему тонкими пальцами, как по четкам. Схватила зеркало.

— Я вижу... Я вижу память, — сказала она.

Старая женщина кивнула.

— Но люди не могут жить без памяти, как без воздуха!

— Именно. — Губы Александры Константиновны сжались в упрямую нитку.

— Совсем-совсем незачем? — Мариам растопырила ладонь и начала загибать пальцы: — Внуки — раз, в серванте список дел на пенсию — два... Собаку, в конце концов, завести — телефон приюта вы сами выписали в прошлом году, синий блокнот, страница пятнадцать. Это три. Надо просто искать!

— Молодым все просто, а я устала. Ничего не хочу.

Мариам фыркнула, а Александра Константиновна вдруг подалась вперед.

— У тебя анемия, деточка, надо больше гулять. — Она положила ладонь поверх руки Мариам. — И руки холодные. Я тотчас домой сбегая, принесу мумие и мед гречишный. Сосед делает. Свежие, тот год. Мне уже не надо.

— Вы хорошая, — сказала Мариам и подцепила на палец жемчужное ожерелье. — Но мне тоже надо не это.

— А что? — с любопытством спросила Александра Константиновна.

— Все-таки что-то да интересно, не так ли? — хмыкнула Мариам и обвела рукой ломбард: — Я тоже ищу. Что-то белое, тогда я не буду не-жить.

Александра Константиновна сочувственно выдохнула и украдкой оглянулась:

— Это же сколько лет так надо...

Мариам звонко рассмеялась и почти по-приятельски потрепала ее по рукаву.

— Ай, да ладно, меня все устраивает. Я не люблю перемен и, по правде сказать, совсем не против, чтобы их и дальше не происходило.

Она вдруг дернула нитку ожерелья, да так, что та порвалась и жемчужины раскатились по столу. Придирчиво отобрала три штуки, а остальные ссыпала в сумочку посетительницы.

— Этого достаточно для вашего желания. Идите, все будет.

Дома Александра Константиновна первым делом поставила молоко в холодильник. Потом постояла, глядя в окно на морозный бульвар и закутаных прохожих. Открыла синюю записную книжку, долистала до буквы «П» на пятнадцатой странице и придвинула к себе телефон.

***

В феврале пришла лысая девочка. Она принесла снег.

— Я хочу, чтобы мама не грустила, — сказала она.

— Чистота, хм-м... Это слишком сложное желание для такого белого, Оля. Богатство, любовь — что угодно. Но не мать, которая вдруг забудет, что у ее дочери лейкемия, — сказала Мариам, запрокинув голову и катая на языке кровь. — Однако что-то в тебе есть...

— Я принесу другое, я найду!

Мариам схватила зеркало, с которого слизывала кровь, и долго смотрела в него.

— Да, у тебя есть то, что мне нужно. То, что мне надо найти, — наконец сказала она, и голос ее стал хриплым.

— Что это? — воскликнула Оля.

— Я не знаю, — печально ответила Мариам. — Я не могу рассмотреть ничего, что касается меня самой, ты же видишь.

Она махнула рукой на зеркала, в которых отражались Оля, пламя свечи, уходящие в темноту стеллажи и в которых не было Мариам.

Назавтра Оля принесла бинты — боль. Потом оригами из белой бумаги в виде ангела — небо. Она приходила каждый день, а потом пропала.

Вернулась она весной, и от нее осталась лишь тень. Она принесла цветок вишни — надежду.

— И я надеялась, что ты придешь, — буркнула Мариам, потом посмотрела в зеркало и грустно добавила: — Не то.

Оля сползла на пол, прислонилась спиной к стеллажу с запыленными искусственными белыми цветами и стопкой постельного белья.

— Как это — не жить, Мариам? — слабым голосом спросила она.

Та обвела белую лавку рукой и яростно закачалась на стуле.

— А как это — жить? — спросила в ответ.

— Если бы не мое белокровие, я бы тебе показала, — засмеялась Оля.

Грохнуло, и Мариам, потирая спину, поднялась.

— Белая кровь! — вскричала она и, будто ноги разом подогнулись, осела на пол. — Ты принесла смерть.

— Это все, что у меня осталось, — сказала Оля.

Мариам не ответила. Смотрела Оле в глаза. Дважды пыталась сказать что-то, но мотала головой.

— Не-жить, — наконец прошептала она и решительно кивнула сама себе.

Подползла поближе и, взяв Олину руку, перевернула запястьем вверх. Поднесла губы к незащитной голубоватой вене.

— Больно не будет, — прошептала она, и больно Оле не было.

А потом Мариам поднялась, оправила белую рубашку и бросилась к зеркалу размером с дверь. Она отразилась в нем с головы до ног. Шагнула — и вошла в него.

...На железной двери с той поры появился амбарный замок. Мама Оли больше не грустила — только иногда, когда дочь повзрослела и слишком поздно возвращалась домой. А в те ночи, когда полная луна светила в окно и особенно тонки были грани между мирами, Оля видела сон и видела Мариам, которая жила жизнь.

